

[Глава 8 – Татьяна Барчунова]

Опубликовано в: Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / Под ред. Джудит Твигг и Кэйт Шектер. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 162-191.

Английский вариант статьи опубликован в сб. Judyth L. Twigg and Kate Schecter (eds.) *Social Capital and Social Cohesion in Post-Soviet Russia*. N.Y., L.: Sharpe, 2002. P. 132- 151.

Гендерное измерение социального капитала в России (на примере Новосибирска)

Татьяна Барчунова

Заурядные люди вряд ли существуют.

Роберт Патнам

Предметом настоящей статьи, как следует из заголовка, является гендерное измерение социального капитала в России. При этом социальный капитал понимается скорее в духе Роберта Патнама, которого социальный капитал интересует как социальная сеть, способствующая развитию демократического общества, чем в духе П. Бурдьё, для которого, если несколько огрубить его позиции, инвестирование в социальный капитал – это главным образом способ продвижения по социальной лестнице.

На первый взгляд, единственный способ осветить заявленный предмет – это последовать инструкциям опытного писателя, одного из персонажей "Посмертных записок Пиквикского клуба" Чарльза Диккенса. Когда его молодому другу понадобилось написать статью о китайской метафизике, он посоветовал ему прочитать две статьи из Британской энциклопедии: «Китай» и «Метафизика» и «совокупить» полученные из них сведения. Следуя данному совету, нужно было бы «совокупить», по крайней мере, три «статьи»: *Гендер*, *Социальный капитал* и *Россия*. К сожалению, эта стратегия оказывается в нашем случае бесполезной. В первой части статьи я постараюсь объяснить, почему она не работает, а во второй – показать результаты исследования, основанного на другом подходе.

Общая идея исследования заключается в том, что в основе механизма накопления социального капитала в России лежит дефицит, в советский период – институциональный дефицит на рынке товаров и услуг, в постсоветский период – дефицит социальной защиты и материальных средств, которыми располагает население. И в том, и в другом случае люди вынуждены объединяться в социальные сети, функционирующие как механизм преодоления отчуждения людей от товаров, услуг и других ресурсов. Одним из политических анекдотов советского времени, который хорошо иллюстрировал эту ситуацию отчуждения, был следующий короткий диалог Армянского радио и его слушателя. «Армянское радио спрашивают: “Что такое зрелый социализм?” Армянское радио отвечает: “Зрелый социализм – это социализм без товаров”». Именно «зрелый социализм без товаров» стимулировал людей объединяться в социальные сети, направленные на преодоление материального и политического отчуждения. Они существовали вопреки политике государства, препятствовавшего любым формам самоорганизации. В литературе описана борьба государства против разных форм самоорганизации, в том числе против одной из наиболее распространенных форм социальных сетей – так называемого *блата*. Ситуация в постсоветский период несколько иная. Существует легально функционирующий Третий сектор – неправительственные некоммерческие организации, хотя стремление контролировать и «приручать» подобные организации, как известно, сохраняется.

Задача настоящей статьи состоит в рассмотрении широкого спектра неправительственных организаций, функционирующих в Новосибирске. Меня интересуют не только зарегистрированные общественные объединения, но и любые формы самоорганизации, которые подпадают под определение того, что я называю *практическими сообществами* (подробнее о понятии см. ниже). Это не обязательно локальные сообщества, объединяющие людей по месту жительства. Это могут быть проекты, участники которых разбросаны по всему городу. Они направлены на решение проблем мигрантов, обеспечения продовольствием и одеждой многодетных семей, проблем здоровья и образования. Основными компонентами деятельности этих проектов являются не только соответствующие практики (юридические консультации, садоводство, организация медицинского обслуживания и проч.), но и обучение и самообучение. Тем самым подтверждается тезис многих теорий модернизации,

что модернизация сопровождается усилением когнитивного компонента деятельности по сравнению с нормативным (М. Вебер, Н. Луман, П. Байер и др.).

В настоящей статье приведены результаты первого, обзорного, этапа исследования практических сообществ. Это исследование основано на включенном наблюдении автора статьи, являющегося членом двух зарегистрированных неправительственных организаций и нескольких неформальных микросетей; материалах архивов неправительственных организаций; 18 глубинных интервью с членами разнообразных практических сообществ, а также на вторичных источниках: публикациях средств массовой информации, базах данных по неправительственным некоммерческим организациям и аналитических материалах по теме.

В статье предлагается анализ нескольких разных проектов. В последующих статьях будут рассмотрены отдельные тематические проекты: молодежные группы, занимающиеся историческим моделированием в игровой форме; сообщества, основанные на вере; размытые сообщества потребителей, покупающих товары в магазинах *second-hand*, и проч.

Внимательный анализ разнообразных форм самоорганизации людей показывает, что они не только прагматически ориентированы и эффективны в решении практических проблем, но и одухотворены сложнейшими концепциями о правильно устроенной, справедливой жизни.

Уже первичное знакомство с исследуемым материалом приводит к постановке принципиально важных вопросов: все ли практические сообщества способствуют демократизации общества в целом, и если не все, то как отделить практические сообщества, способствующие решению этой задачи, от тех, которые представляют собой деструктивные группы? Другой не менее важный вопрос – это вопрос о взаимоотношениях практических сообществ с государством, ибо многие из них воспринимают свои проекты как альтернативные государству. Так, Наталия Баранова, президент общественной благотворительной организации «Социальная экология», на региональной конференции общественных организаций «Власть и некоммерческие организации: проблемы и перспективы взаимодействия» (Новосибирск, 2001 г.) сказала: «К сожалению, *весь этот Третий сектор*, почти все его группы, в последние годы были практически вне сферы влияния на политику России в

стране и в мире. Третий сектор жил, можно сказать, своей отдельной жизнью, решая, подчас и вполне успешно, многие проблемы, вне зависимости от текущей общегосударственной или региональной политики. Государство, на всех его уровнях, почти не видело *этот Третий сектор*, а мы просто продолжали работать» (выд. мной – Т. Б.). Утверждение маргинальности некоммерческого сектора по отношению к государству в высказывании Н. Барановой дискурсивно усилено: «весь этот Третий сектор...», – говорит она. В связи с этим возникает вопрос: строятся ли отношения между государством и практическими сообществами в форме протеста, кооперации или параллельного существования? Однако главная задача данной статьи – не анализ отношений между правительством и негосударственным сектором. На данной стадии для меня важнее другое: поставить под сомнение широко бытующий тезис о социальном иждивенчестве нашего народа, показать его изобретательность и творчество в накоплении социального капитала.

Принято считать, что сетевая работа лучше удается женщинам, что именно женщины являются главными аккумуляторами социального капитала, иначе говоря, социальными капиталистами. Однако, как будет показано ниже на материале новых социальных сетей, гендерный аспект социального капитала гораздо сложнее и требует внимательного анализа.

Почему невозможно механическое объединение *гендера, социального капитала и России*

Сначала остановимся на том, почему затруднительно «совокупить» понятия *гендера* и *социального капитала*. Это представляется затруднительным, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в основе данных понятий лежат разные типы социальных отношений. Понятие социального капитала опирается на идеи сплоченности, социальных сетей, доверия и гражданской активности. основополагающей идеей являются здесь общественные инициативы преимущественно неиерархического типа. Даже если цель самоорганизации заключается, например, в борьбе с преступностью, главные инструменты для решения названной социальной проблемы – это объединение и солидарность. Гендерные исследования обычно поднимают те же социальные проблемы, которые рассматриваются при анализе социального капитала (например, насилие). Хотя социальный и политический проект, связанный с

гендерными исследованиями, направлен на установление равенства, гражданского участия, солидарности и социальной безопасности, гендерная теория опирается, прежде всего, на понятия доминирования, власти и иерархии. Гендерные исследования посвящены одному конкретному аспекту власти и доминирования – доминирования одного пола над другим(и)¹. В действительности, в гендерной теории содержится потенциал для анализа социального капитала. Разделение общества на два социальных класса – мужчин и женщин – предполагает наличие общего социального опыта в рамках этих классов и тем самым – оснований для солидарности (хотя вопрос об анализе межгендерных солидарности и доверии все-таки остается неопределенным). Однако этот аналитический потенциал гендерной теории пока слабо реализуется². Характерным симптомом слабой реализации этого теоретического посыла является критика в адрес гендерной теории как сосредоточенной исключительно на угнетении и дискриминации одного пола другим. У критиков гендерной теории и ее феминистских оснований эта направленность получила название «виктимный феминизм» (*victim feminism*).³

Вторая причина, затрудняющая объединение результатов гендерных исследований и исследований в области социального капитала, заключается в том, что большинство гендерных исследований в коммунистических и посткоммунистических странах, а также исследований их гендерных систем, проводившихся в других странах, касается практик *репрезентации* гендерных отношений (в СМИ, художественных произведениях разных форм, жанров, видов искусств, фольклоре), тогда как изучение социального капитала предполагает исследование *практик* социального взаимодействия в ходе решения общих проблем.

---

¹ Классическое определение гендера, данное известным историком из Принстона Джоан Скотт гласит: «...Гендер – это конститутивный элемент социальных отношений, основанных на внешних различиях между полами; и... первичный способ означивания отношений власти». Joan Scott. *Gender: A Useful Category of Historical Analysis*. В кн.: *Gender and the Politics of History*. New York: Columbia University Press, с. 42.

² На это указала автору Е. А. Здравомыслова в частном сообщении.

³ Naomi Wolf. *Fire with Fire*. New York: Random House, 1993; см. также: *Third Wave Agenda: Being Feminist, Doing Feminism*. Под ред. Leslie Heywood and Jennifer Drake. Minneapolis and London: University of Minnesota Press, 1997, сс. 8-13, 49-50, 63-64, 66-69, 134-39, 141-47.

Другими словами, отечественная гендерная теория, восприняв конструктивистский подход, рассматривает гендер скорее как *социальный конструкт*, а не как *процесс* социального конструирования гендера.

Объединение понятий *гендер* и *Россия* несколько менее сложно, и работа в этом направлении уже ведется. Отечественные социологи, занявшиеся изучением российской гендерной системы в начале 1990-х, заимствовали методологию и концептуальные основы у западных ученых. Однако они не ограничились простым заимствованием, а пошли дальше, применив концептуальную основу гендерной теории для реконструирования исторических вариантов традиционной российской гендерной системы, ее модификации при социализме и ее трансформаций в постсоциалистическом обществе. Одной из отправных точек развития отечественной гендерной теории послужила попытка ответить на вопрос: была ли Октябрьская революция направлена на освобождение российских женщин от господства мужчин и привела ли она в конечном итоге к их освобождению, или сложившаяся в результате переворота социалистическая система стала для женщин очередным этапом патриархатного рабства?⁴ В результате исследования этого вопроса было сформулировано понятие *гендерного контракта*. Петербургский социолог Анна Темкина в сотрудничестве с финской исследовательницей Анной Роткирх назвали социалистический тип гендерных отношений гендерным контрактом *работающей матери*. Гендерный контракт «работающая мать» – это не отношения между мужчинами и женщинами, а отношения между женщинами и социалистическим государством⁵. Благодаря формулировке этого понятия стало ясно, что на повестке дня Октябрьской революции стояло не освобождение женщин от диктатуры мужчин, а подавление интересов любого индивида независимо от пола и подчинение его государству⁶. Таким образом, понятие контракта как добровольного соглашения, заимствованное из либеральной теории, было переосмыслено как антагонистическое отношение между

---

⁴ Тартаковская И. *Гендерные аспекты трансформации* (в печати).

⁵ Тартаковская И. *Гендерные аспекты трансформации* (в печати); Tat'ana Barchunova. *The Selfish Gender: The Reproduction of Gender Asymmetry in Gender Studies*. Studies in East European Thought, 55: 2003, с. 3-25.

⁶ Тартаковская И. *Гендерные аспекты трансформации* (в печати).

женщиной и государством⁷. Помимо внутренней противоречивости такого понимания гендерного контракта, оно дает один нежелательный побочный эффект – аналитическую элиминацию других гендерных групп из предмета исследования – и тем самым обрекает отечественную гендерную традицию на повторение западного пути первоначальной сосредоточенности на женских исследованиях (*women's studies*), в котором, по существу, нет необходимости. Исследования мужчин и мужской культуры (*men's studies*), всплеск которых наблюдается в последние два года, выполняются, в сущности, в рамках той же парадигмы, поскольку ключевыми понятиями здесь выступают «несостоятельность», «кризис», «нарциссизм», «экзистенциальный тупик» и т. п.⁸, которые также трудно согласуются с понятием социального капитала, акцентирующим идеи взаимодействия и социальной активности.

Когда концепция советского контракта *работающая мать* вошла в научный оборот (причем настолько, что ее авторство не всегда обозначается в литературе⁹), создатели этой концепции раньше других осознали ее недостатки и предприняли ее дальнейшее развитие в идее этакратического гендерного порядка¹⁰.

---

⁷ Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. *Социальная конструкция гендера и гендерная система в России*. В сб.: *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. СПб: 1996, с. 9.

⁸ См., напр.: Ушакин С. *Видимость мужественности*. В сб.: *Женщина не существует: Современные исследования полового различия*. Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар: 1999, сс. 116-131. Marina Kiblitckaia. 'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-Communist Russia. В сб.: *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Под ред. S. Ashwin. London and New York: Routledge, 2000, сс. 90-105; Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. *Die Krise der Maennlichkeit im Alltagsdiskurs. Wandel der Geschlechterordnung in Russland*. Berliner Debatte Initial 12, 2001, сс. 4, 78-90; Тартаковская И. *Мужчины на рынке труда*. Социологический журнал, 2002, № 3, с. 112-126; Трубина Е. "В форме себя держать!": социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии. В сб.: *О муже(Н)ственности*. Сост. С. Ушакин. М.: 2002, сс. 79-105.

⁹ См. напр.: Айвазова С. Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы*. Москва: РИК Русанова, 1998, с. 82.

¹⁰ Здравомыслова Е. А., Темкина А. Г. *Советский этакратический гендерный порядок* (в печати).

Сочетание *гендера, социального капитала и России* также представляется делом достаточно сложным. Наиболее очевидной причиной этой несочетаемости является то обстоятельство, что российские регионы различаются по уровню накопления социального капитала. Поэтому для сочетания этих «элементов» следует конкретизировать регион и исторический период, о котором идет речь. Перед лицом этой задачи исследователи, интересующиеся российским социальным капиталом, оказываются не в более выигрышной позиции, чем, скажем, те, кто исследует теневую экономику, поскольку информационные ресурсы как в той, так и в другой области не слишком значительны и совершенно несопоставимы с теми, которыми располагают исследователи социального капитала в других странах. Например, Роберт Патнам в своем исследовании социального капитала в США использует самые разные показатели, включая такие данные, как количество покупаемых карточных колод¹¹.

Точно так же, как и исследователи теневой экономики, исследователи социального капитала в России должны проявлять недюжинную изобретательность в использовании всякого рода косвенных данных и личных свидетельств там, где они доступны. Использование самых общих доступных показателей может привести к сомнительным выводам. Так, измерение социального капитала в России с помощью индекса уровня гражданского развития и сравнение по этому показателю российских регионов привело американского социолога Кристофера Марша к выводу о том, что «большая доля нерусского местного населения в данном регионе» может послужить фактором «отсутствия атрибутов гражданского общества»¹². Поскольку Марш видит прямую корреляцию между уровнем развития гражданского общества и социальным капиталом, то из его исследования вытекает сомнительный вывод, что высокая доля нерусского населения несовместима с ростом социального капитала и только русское население способно инвестировать в социальный капитал. Проект анализа гендерного измерения социального капитала в России,

---

¹¹ Robert D. Putnam. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, London, Toronto, Sydney, Singapore, 2000, с. 102 и след.

¹² Christopher Marsh. *Social Capital and Democracy in Russia*. *Communist and Post-Communist Studies* 33, 2000, с. 192.

сопоставимый по характеру используемых данных с теми проектами, которые были реализованы Патнамом в Италии и США, не представляется реалистичным в том числе по причине отсутствия данных.

Единственный реалистичный путь исследования гендерного измерения социального капитала в современной России – это обратиться к тому, на чем построены социальные связи в конкретных населенных пунктах, в конкретных сообществах, и отнести сравнительный анализ разных регионов на более поздние этапы работы в этом направлении.

Можно прогнозировать, что подготовительная фаза сравнительного анализа займет значительный промежуток времени, так как в отличие от, скажем, США, где существует значительное число организаций, объединяющих людей на общенациональном уровне, всероссийские организации в России очень редки, а связи между ними формальны и эпизодичны. Большая часть общественных организаций действует на локальном уровне.

Так, общественные организации Новосибирска, о которых пойдет речь в этой статье, – это микросети, объединившие друзей, родственников и коллег. Однако малочисленность организаций не влияет на масштаб их проектов. Например, одним из самых известных проектов, осуществленных в Новосибирске и Новосибирской области неправительственными организациями, было сооружение в 2001 году дороги, соединившей Советский район города и дачный поселок Ключи, и организация автобусного сообщения между городом и поселком. К участию в проекте были подключены администрации Советского, Искитимского и Новосибирского районов и строительные организации соответствующего профиля, однако управление проектом лежало всего на двух людях – Л. А. Шепелянском и В. А. Болдыреве. Причем со строительством данной дороги проект не окончен¹³.

Итак, сложности механического соединения *гендера*, *социального капитала* и *России* дают мне основания говорить не о гендерных аспектах

---

¹³ Надо сказать, что этот проект заслуживает отдельного анализа как типичный случай низовой инициативы, поддержанной исполнительной властью – главой администрации Советского района А. А. Гордиенко и главой Новосибирской области В. А. Толоконским. Поддержку своей деятельности Третий сектор ищет именно у исполнительной, а не у законодательной власти.

российского социального капитала, а о гендерных аспектах отдельных практических сообществ, которые образуют сложную социальную сеть, способствующую решению задач широко понимаемой социальной безопасности.

Понятие практического сообщества и его эвристические возможности в исследовании трансформационных обществ

Понятие практического сообщества, или сообщества, основанного на практике, было сформулировано двумя американскими специалистами по теории обучения – Жаном Лейвом и Этьеном Венгером¹⁴. Согласно Этьену Венгеру, составляющими компонентами практических сообществ являются взаимные обязательства (*mutual engagement*); регулярное взаимодействие (*essentially regular interaction*); общее дело, осуществляемое на основе согласования совместных усилий (*a joint negotiated enterprise*); общая цель и практики, осуществляемые для достижения этой цели; общий репертуар накапливаемых в результате согласования ресурсов, куда входят специальная терминология и языковые средства, а также картины, музыка, жесты, пища¹⁵. Если обобщить эти составляющие практических сообществ, то можно говорить о трех компонентах: собственно практики (делание); согласование смысла (*negotiation of meaning*) этих практик и обучение им.

Подобный подход к человеческой деятельности, на самом деле, не является абсолютно новым. Так, еще И. Кант писал о том, что именно «практические соображения побуждают *обыденный человеческий разум* выйти из своего круга и сделать шаг в сторону *практической философии*». Позднее, Дж. С. Милль говорил о том, что всякая человеческая деятельность должна быть санкционирована смыслом¹⁶. В XX веке это представление

---

¹⁴ Jean Lave and Etienne Wenger. *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1991; Etienne Wenger. *Communities of Practice*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1998.

¹⁵ Etienne Wenger. *Communities of Practice*, с. 76.

¹⁶ Милль Дж. С. *Утилитарианизм*. В кн.: Милль Дж. С. *Утилитарианизм. О свободе*. С.-Петербург, 1900. Гл. III.

разрабатывалось в разнообразных теориях коллективного действия и в социологии общественных движений.

Как известно, социология общественных движений развивалась в рамках американской модели мобилизации ресурсов и европейской модели новых общественных движений¹⁷. Американская модель, как следует из самого названия, основана на том, что ««спрос» на движения (основания для социальной неудовлетворенности – *grievances*) появляется тогда, когда существует “предложение” организаций социального движения», тогда как европейская модель основана на том, что «социальные движения возникают автоматически, если существует некая социальная неудовлетворенность (*grievances*). Концепция нового социального движения определяет структурные условия, которые порождают лишения и надежды, заставляющие людей прислушиваться к призывам активистов общественных движений»¹⁸.

Эти концепции были выработаны на материале американских и западноевропейских движений, развивавшихся с конца 60-х годов. Как указывает Берт Кландерманс, новые общественные движения складывались из людей, маргинализированных в процессе модернизации. Можно усомниться в применении подобного подхода к российской ситуации, поскольку в маргинализованном положении в трансформационный период оказывается огромное большинство населения. Можно ли ставить вопрос об эксклюзии или маргинализации, если в состоянии эксклюзии находится подавляющее большинство?¹⁹

Другая причина сложности применения западных концепций социальных движений к отечественному опыту заключается в том, что западные модели

---

¹⁷ Подробный анализ западных моделей социологии общественных движений см. в: Здравомыслова Е. А. *Парадигмы западной социологии общественных движений*. СПб: Наука, 1993.

¹⁸ Bert Klandermans. *New Social Movements and Resource Mobilization: The European and the American Approach Revisited*. В сб.: *Research on Social Movements: the State of the Art in Western Europe and the USA*. Под ред. Dieter Rucht. Frankfurt am Mein: Campus Verlag; Boulder, Colorado: Westview Press, 1991, с. 29.

¹⁹ Релевантные статистические данные об экономической эксклюзии см.: Ханин Г. И. *Перераспределение доходов населения как фактор ускорения экономического развития и обеспечения социальной стабильности*. ЭКО, 2002, № 6 (336), с. 90 - 104.

построены на движениях, конфигурация которых существенно определяется циклами протестного поведения. Тогда как Третий сектор в России, или, по крайней мере, в нестоличной России, ориентирован на то, чтобы находиться с правительством в состоянии нейтралитета, которое в терминах семиотики можно было бы назвать «эквиполентными» отношениями, то есть отношениями элементов, не имеющих друг с другом ничего общего, но сосуществующих в рамках одной системы. Общественные организации заинтересованы либо в позитивной, либо в нейтральной позиции по отношению к государственным структурам, поскольку, как сказал мне один из моих информантов, власть не всегда может помочь общественным организациям, но зато в случае конфликта может легко помешать и навредить.

Другое критическое замечание в адрес американской и европейской моделей общественных движений было вызвано тем, что обе эти модели «не уделяли внимания значимости социального конструирования»²⁰. Преодоление этого недостатка шло опять же по пути конструирования социального конфликта, а не позитивного вклада. В российском провинциальном опыте конструируется прежде всего смысл позитивной деятельности.

Понятие практического сообщества можно поставить в один концептуальный ряд с другими моделями социальной деятельности. Однако оно по сравнению с другими моделями более гибко и потому хорошо подходит для исследований социальных явлений в условиях транзита. Оно, например, дает возможность учитывать темпорально не закрепленное созидание смысла деятельности: если социолог переквалифицируется в пасечника, физик – в тренера неправительственных организаций, математик – в риелтора, биохимик – в бизнесмена, как это происходит в нашем обществе, то созидание смысла и его артикуляция в рамках нового для него практического сообщества, может предшествовать началу новой деятельности, следовать за ним или происходить с ней одновременно. Оно может проходить как интериоризация *уже развитой* практической философии сообщества, а может – как синтезирование *новой* практической философии. Оно может осуществляться как индивидуальное

---

²⁰ Bert Klandermans. Цит. раб., с. 38.

созидание смысла, а может – как согласование смыслов в процессе переговоров²¹.

На данном этапе настоящей работы исследуется индивидуальное созидание смысла в процессе деятельности. И с этой точки зрения используемая в данном исследовании модель практического сообщества отличается от исходной модели Лейва и Венгера, где созидание смысла задано как процесс его коллективного согласования.

«Членство в практическом сообществе достигается путем процесса обучения»²². Именно соединение практических и образовательных навыков делает понятие практических сообществ исключительно удобным средством анализа социальных стратегий в трансформационных обществах. В практических сообществах, подчеркивают создатели понятия, процесс обучения облегчается посредством взаимодействия и коммуникации между их членами. Колоссальная значимость когнитивного компонента в практических сообществах, будь то новые профессиональные объединения или неправительственные организации, решающие разнообразные проблемы социальной безопасности своих членов, прекрасно осознается членами этих сообществ. Так, на ярмарке неправительственных организаций Советского района в ноябре 2001 г. Елена Никитина, лидер организации молодых людей с ограниченными возможностями, сказала, что для того чтобы успешно действовать, ее группа должна была провести исследование и выяснить потребности молодых людей, которым адресована работа группы.

Концепция соединения когнитивного и практического компонентов в развитии сообщества была успешно реализована новосибирской исследовательницей и активисткой Сарой Линдеманн-Комаровой. Она организовала в Новосибирске Центр поддержки общественных инициатив, а в Красноярске – центр «Сотрудничество на местном уровне». Вместе со своими коллегами из Центра поддержки общественных инициатив она выступила с

---

²¹ Тэйлор В., Уиттьер Н. *Коллективная идентичность в группах общественных движений: лесбийская феминистская мобилизация*. В кн.: *Введение в гендерные исследования*. Часть II. Хрестоматия. Харьков, СПб, 2001, сс. 963 – 989.

²² Janet Holmes and Miriam Meyerhoff. *The Community of Practice: Theories and Methodologies in Language and Gender Research*. *Language in Society* 28, 1999, сс. 179.

идеей проведения ярмарок неправительственных организаций, которые способствовали бы преодолению разрыва между местными правительством и бизнесом, с одной стороны, и неправительственными организациями, с другой. В своей книге «Общественные школьные фонды: механизм создания социального партнерства, развития сообщества и местной филантропии» (Красноярск, 2001) Линдемманн-Комарова дает подробное описание деятельности школьных фондов²³, рекомендации по созданию такого фонда и подробные объяснения, как провести исследование, чтобы узнать нужды местного сообщества. Однако, как я покажу ниже, когнитивный компонент практического сообщества не может быть сведен исключительно к социологическим исследованиям сферы деятельности сообщества. В него также входит усвоение навыков и знаний, необходимых для осуществления собственно деятельности сообщества. Например, одна из моих респонденток, Дарья Одинокова (25 лет), кандидат филологических наук, член практического сообщества, занимающегося любительскими театральными постановками, сказала мне, что благодаря своему участию в этом сообществе она приобрела множество ценных навыков: организация совместных действий, публичная речь, взаимодействие с самой разной аудиторией, – которые оказались ей исключительно полезными в ее работе преподавателя университета. Другой мой респондент, психолог Владимир Янушко (32 года), еще более наглядно говорит о связи между обучающим и практическим компонентами своего сообщества – психологического центра «Родник». Программа центра – самоорганизация и самопомощь подростков. Члены этого сообщества – профессиональные психологи, которые вовлекают в свою работу сотрудников городских и областного комитетов по делам молодежи, и, прежде всего, конечно, – подростков и их родителей. Они обучают подростков основным навыкам практической психологии на специальных тренингах, включающих ролевые игры. А те, в свою очередь, передают полученные навыки своим ровесникам. «Родник» располагает сетью, состоящей более чем из 30 волонтеров-подростков, мальчиков и девочек, которые работают в летних лагерях и в

---

²³ «Общественные школьные фонды – «средство привлечения и распределения внебюджетных средств для школы», а также «механизм создания партнерских отношений между школой и сообществом» (Указ. соч., с. 10).

течение учебного года. Владимир подчеркивает, что хотя чтение и сугубо дидактическое образование для него исключительно важны (особенно теперь, когда российские психологи получили доступ к мировой психологической классике), однако его наибольший профессиональный рост происходит во время тренингов, которые он проводит со своими учениками.

На выходе данного исследования предполагается создание типологии практических сообществ. Однако на данном этапе такая задача не ставится, так как простейшие классификации, скажем разделение практических сообществ на профессиональные и непрофессиональные, представляются невозможными. В основу классификации должно быть положено многомерное представление практических сообществ по способам практической деятельности, когнитивному компоненту и обоснованию смысла.

По своему административному статусу практические сообщества могут быть зарегистрированными, а могут быть незарегистрированными неправительственными организациями. На территории Новосибирской области на период начала 2002 г. было более 2000 зарегистрированных общественных организаций. Можно предположить существование зарегистрированных неправительственных организаций, которые не являются практическими сообществами, скажем, у них будет отсутствовать когнитивный компонент или обоснование смысла. В то же время существуют практические сообщества, которые не зарегистрированы как общественные организации. Например, существуют устойчивые группы людей, объединенные походами в баню, которые руководствуются особой практической философией и обладают своей внутренней организацией. Но я не слышала ни об одной такой группе, которая была бы зарегистрированной организацией, хотя они могут составлять часть зарегистрированной группы, проповедующей то, за чем закрепилось название «здоровый образ жизни».

В данной статье рассматриваются общественные объединения, которые называют себя некоммерческими, хотя для многих из них услуги, которые они оказывают населению, могут быть единственным источником дохода. В некоторых случаях коммерческая деятельность организации неотделима от общественной. Прекрасным примером подобного сочетания является салон красоты «Эол» Надежды Латрыгиной. Телефон ее салона является одновременно и телефоном доверия для женщин, которые подвергаются

домашнему насилию. На листовках, сообщающих о существовании кризисной линии, дается реклама салона. Для тех, кому неизвестна проблема с помещениями для неправительственных организаций, подобное сочетание может показаться подозрительным и даже кощунственным. Надежда Латрыгина не видит в подобном сочетании ничего странного и, более того, находит ему оправдание в том, что для женщины, подвергшейся насилию, забота о своей внешности может стать способом реабилитации.

Итак, переходим к анализу отдельных видов практических сообществ и их структурных составляющих.

Новые формы старых практических сообществ.

Молодежное сообщество ролевых игр

Молодежное сообщество ролевых игр является прекрасной иллюстрацией того, как в послеперестроечное время развиваются социальные объединения, существовавшие еще в советские времена. Движение ролевых игр (самоназвание практического сообщества) начало развиваться в начале 90-х гг. на основе Клубов любителей научной фантастики. Согласно оценкам моих респондентов Евгения Коршунова (26 лет²⁴) и Светланы Джемилевой (29 лет), принадлежащих к первому поколению ролевиков, это движение насчитывает в России не менее 10 тыс. членов. Существует несколько центров движения (Москва, Петербург, Казань, Новосибирск, Иркутск и др.). В своем интервью Евгений сообщил мне, что существует даже идея создания политической партии на базе этой социальной сети, так как многие ролевики благодаря своему участию в движении приобрели массу навыков, необходимых для политической деятельности. Согласно его оценке, до 15 % групп поддержки кандидатов на выборах имеют консультантов, которые приобрели навыки делового общения, участвуя в ролевом движении. В ролевом движении представлены как собственно деятельностный, или практический, так и когнитивный компоненты. Практический компонент чрезвычайно обширен. Это целый ряд совместных действий: набор команды для данной игры, организация площадки, или полигона; изготовление аксессуаров; проведение тренировок; сбор средств для проведения игры и покрытия транспортных расходов для поездки на полигон. В сообществе ролевиков входят ремесленники самого разного профиля,

---

²⁴ Возраст на момент интервью.

самостоятельно освоившие шитье обуви и верхней одежды, изготовление боевых доспехов. Обычно эти ремесленные профессии гендеризованы, но все они считаются равно ценными. Некоторые мастера, изготавливая вещи на заказ, обеспечивают себе средства на транспортные и суточные расходы на время игры.

Когнитивный компонент игры многообразен²⁵. Каждый участник игры должен познакомиться с литературным источником, по которому проводится игра. В качестве литературных источников используется научная фантастика, книги жанра фэнтези, индийский, исландский и др. эпосы, библейские рассказы, эпизоды из русской или зарубежной истории. Наряду с литературными источниками для проведения некоторых игр пишутся оригинальные сценарии. Игровые миры насыщены ритуалами, которые либо придумываются, либо тщательно воспроизводятся²⁶. Например, соответствующие молитвы выучиваются наизусть и произносятся по памяти. Костюмы для игроков изготавливаются по историческим эскизам или описаниям. Условные замены деталей тщательно обговариваются. Особым компонентом подготовки является научение навыку переживать поражение и победу.

Конструирование смысла ролевой игры является важнейшей и сложнейшей ее составляющей. Члены сообщества говорят, что ролевые игры привлекают их возможностями личностного роста, расширением навыков общения, выживания в экстремальных условиях игрового полигона, стратегического планирования, моделирования. Согласно Евгению Коршунову, человек, который вливается в ролевое движение, уже никогда из него не выходит, так как ролевое движение становится его социальной сетью, окружением и предметом общения. Это не означает, однако, что развитие движения в этих направлениях происходит строго поступательно. Согласно моим респондентам, разные участники движения руководствуются разными мотивами. Так, среди них существует определенная категория участников, которые представляют собой балласт движения, так как они ориентированы

---

²⁵ См., напр.: Ермолаев А., Борщевская Т., Лазарев Ю. и др. *Обучающие аспекты ролевых игр*. Казань: Ассоциация фантастики и ролевых игр, 1995.

²⁶ *Полевые игры и их правила*. Рукопись. Кемерово. Из личного архива С. Джемилевой, с. 16.

исключительно на потребление и рассматривают ролевое движение как досуговую группу, в отличие от других участников, считающих ролевые игры фактом совместного творчества. Согласно последним, «потребители» разрушают игровой мир.

Творческая часть ролевого движения также неоднородна. Как показывают архивные материалы Светланы Джемилевой и свидетельства Евгения Коршунова, игровые сообщества различаются подходами к организации игр и принципам конструирования игрового мира. Некоторые игровые сообщества взаимодействуют с местными властями, городскими школами и программами внеклассного обучения. Известны также коммерческие проекты, разработанные для городских праздников по заказу муниципальных служб.

Уровень самоорганизации отдельных групп ролевиков поразителен и включает многообразные формы и каналы взаимодействия. На стадии подготовки игры проводится набор команды, распределение ролей и функций участников, организуются тренировки, обсуждается и дорабатывается сценарий игры, изготавливаются аксессуары, проводятся коллективные выезды для подготовки полигона и проч. Сама игра, число участников которой может достигать 400 человек, включает не только игровое действие, но и обеспечение безопасности. В группу поддержки входит медицинская служба и «служба трезвости», не допускающая употребления игроками алкоголя и наркотиков.

Игровое сообщество составляет часть более широкой социальной сети, в которую входят другие практические сообщества. Так, в Новосибирске в данную социальную сеть входит Музей солнца, в котором сосредоточены артефакты, относящиеся к культам солнца во всем мире. Музей открыт для любых посетителей и проводит специальные программы, реконструирующие исторические формы поклонения солнцу. Ролевики помогают Музею в организации этих программ, тогда как Музей предоставляет ролевику помещению для тренировок и хранения инвентаря. Сообщество ролевиков также связано с молодежными любительскими и профессиональными театрами, с сообществами практических психологов, использующих ролевые игры как инструмент. Существуют точки пересечения и с другими общественными проектами, которым будет посвящена отдельная статья.

Игровое сообщество разрабатывает сложные системы метафизики и этики, которые, по мнению Натальи Белецкой, специалиста по раннесредневековой

философии, заслуживают специального анализа и сравнения с такими философскими системами, как гностицизм²⁷. В разработке этих систем принимают участие как мужчины, так и женщины.

Гендерное измерение практических сообществ

Рассмотрим более подробно гендерный состав и другие аспекты функционирования сообщества ролевых игр и других практических сообществ.

Ролевое сообщество возникло в начале 90-х годов прошлого века на основе клубов любителей фантастики, которые в советское время были одним из преимущественно мужских сообществ. Современное ролевое движение читателей Р. Толкина и другой популярной литературы этого жанра привлекает молодых людей обоих полов. И дело не только в том, что изменился гендерный (половой) состав читателей фантастики и фэнтэзи, но и в том, что ролевые игры – стихийно сложившееся социальное пространство общения образованных молодых людей разного пола. Теперь, десять лет спустя после проведения первых игр, наряду с новым поколением ролевиков в сообщество входят семьи с детьми, рожденными в браках, образовавшихся между членами сообщества.

Гендерная структура ролевого сообщества не проста. Если сценарий игры построен на исторических событиях, то социальная структура игрового мира воспроизводит иерархическую структуру соответствующего социума. Среди участников игр также наблюдается «социальное расслоение». «Игроки сепарируются по трем-четырем уровням: властные структуры, короли; более мелкие персонажи, советники; пушечное мясо – всевозможное количество молодых людей, которые еще не знают, что они делают», – говорит Е. Коршунов. Известно, что исторические повествования гендеризованы, и потому главные роли принадлежат мужчинам. Однако существуют факторы, разрушающие подобную стратификацию. Во-первых, заглавные мужские роли могут играть женщины и потому их статус в сообществе ролевиков меняется. Во-вторых, в известном смысле гендерная структура ролевого сообщества воспроизводит ценностный паритет традиционных культур, где мужское и женское равно значимы. Некоторые структурообразующие функции в ролевом сообществе выполняют исключительно женщины. Такова функция

---

²⁷ Устное сообщение.

реабилитации игроков, попадающих в так называемую страну мертвых, или мертвятник. «Это очень интересная модель, – говорит Коршунов. – Когда персонаж по какой-то причине погибает, ну, зарезали его в пьяной драке... После отыгрывания того, что он убит, он отправляется в специально огороженное место на определенный промежуток времени, который обеспечивает его отрыв от прошлой роли и возможность выйти в новой роли. Это отсидка в стране мертвых. Несмотря на всю игрушечность этого процесса, игровая смерть – это моральная нагрузка. Особенно, если это драка, где его победили... Есть люди, которые хорошо выводят людей из критического состояния. А бывают всякие истерики, ярости». Реабилитацией игроков в подобном эмоциональном состоянии занимаются женщины.

Асимметрия властных отношений, воспроизводимых в исторических сюжетах, где высшие уровни иерархии занимают мужчины, уравнивается значительной ролью женщин в подготовке и проведении игр, когда женщины могут выполнять роли мастеров, капитанов команд и игротехников, то есть главных организаторов игр. Можно сделать предварительный вывод о том, что мастера-женщины отходят от понимания игры как конкуренции и борьбы за победу. Вот как говорит о своей концепции игры игровой мастер Татьяна Кулакова (31 год): «Для меня игра – это, в первую очередь, сотворчество. Это не то, что я придумую и заставлю других делать, как я хочу, а что получится из того, что мы делаем вместе! Для меня, в первую очередь, важно именно это на игре! Взаимодействие с игроками – это первая вещь, и вторая (настолько же ценная вещь) – это восприятие мира с другой точки зрения».

Такой стиль игры называется *имиджевый*. Самое главное в подобной игре – это мироощущение игрока и то, как он «отыгрывает» роль, то есть насколько его игра соответствует прописанной в сценарии роли. Самым важным при этом оказывается не победа, а адекватность сконструированному миру. Эта новая концепция игры позволяет, по мнению Татьяны Кулаковой, вовлекать в игры гораздо больше новых молодых игроков.

Новосибирское сообщество ролевых игр является частью сибирской сети ролевиков, с ежегодными конференциями (т. н. СибКонами), периодикой, системой электронной коммуникации и проч. А сибирские ролевики, в свою очередь, входят в более широкие географические сети. Уровень самоорганизации сети противоречит распространенному мнению о

беспомощности молодежи, ее обреченности быть жертвой «пропаганды сомнительных норм поведения»²⁸.

Сообщество ролевых игр унаследовало дух творчества и стремления к образованию от своих предшественников – клубов любителей научной фантастики – и вместе с тем существенно насытило эту старую социальную сеть новыми формами кооперации, новыми способами интеллектуального общения и новыми способами освоения и приложения знаний. Кроме того, ролевое сообщество расширило гендерные рамки деятельности своих предшественников, предоставив широкое поле деятельности молодым инициативным женщинам.

Новые практические сообщества

Обратимся к практическим сообществам, возникшим в постсоветский период. Одно из наиболее интересных качеств этих сообществ – это их быстрая динамика. Рассмотрим характер этой динамики на примере Ассоциации многодетных семей «Ельцовка». Как отмечает Галина Дейнеко (47 лет), руководитель ассоциации, в начале 1990-х годов вся деятельность их организации была строго регламентирована: «...Все было нормировано, в том числе и работа в общественных организациях. Наша деятельность носила в основном материальный порядок. Даже находясь в больнице, я убежала из больницы, чтобы выкупить комбинезончик для дочки, потому что я знала, что к тому времени, как он мне понадобится, мне его не предложат... это был 1991 год ... Мы занимались в основном распределением. Масло, сыр. Все это было дефицит...». В это время мобилизация людей в Ассоциацию происходила из торговых организаций, поскольку именно они имели доступ к «дефициту».

Когда распределительная система себя изжила, то, что Галина называет «идеологией», а социология называет смыслом деятельности, изменилось. Галина видит смысл деятельности организации сейчас в моральной и психологической поддержке. «И это тоже немало, потому что топить у нас умеют изумительно в нашем государстве... [нужна] Моральная поддержка, которая была бы незыблема. Незыблемость моральных установок – это основа

---

²⁸ Высказывания на эту тему достаточно распространены в нашей литературе. См., напр.: Яновский Р. Г. *Личность, культура, общество: глобальные изменения на пороге третьего тысячелетия*. В кн.: *Личность. Культура. Общество*. 1999. Т. 1. Вып. 1, с. 20.

общественной деятельности. Любой общественный работник... должен опираться на какую-то установку, которая не будет меняться каждый год или даже каждое десятилетие. В чем-то она не должна меняться и сто лет. И мы старались все сделать, чтобы наши современные тенденции разрушительные не коснулись каких-то основ, что семья с тремя детьми, это многодетная, которая не хочет, чтобы ее разделили. Государство не должно ее трогать. Государство ни в коем случае не должно ее касаться. ...Многие спрашивают: «Зачем ассоциация многодетных семей, если есть социальная защита?» Люди не понимают, что моральные основы не могут поддерживаться административными структурами, а только теми, кто в этом заинтересован жизненно. Например ...если это забота о многодетных семьях, то только они сами могут себя защитить».

Примером изменения характера деятельности ассоциации является деятельность ее членов во время трудного перехода от распределительной системы в жилищной политике к рынку жилья. «Наше государство, – говорит Галина, – когда оно начало заниматься саморазрушениями, оно не могло предугадать, как выжить в конкретных социальных группах людям. Никто не ставил задачу обеспечить жильем. Руководители обязаны были решать этот вопрос, а когда они стали *как бы* не совсем обязаны, они тут же от этого отказались... Раньше чем сформировался частный сектор, наши руководители государственных учреждений абсолютно от этого отказались» (выд. мной – Т. Б.). Люди, повергнутые в отчаяние столь неожиданными изменениями в жилищной политике, стали обращаться за помощью в Ассоциацию. И хотя Ассоциация не занималась строительством жилья и была столь же беспомощной перед лицом этой проблемы, члены Ассоциации старались помочь отчаявшимся, как могли: «Они с людьми работали, чтобы их утихомирить. Надо было с человеком говорить хотя бы, он же доходит до агрессии в таком состоянии. Они проводили дни и ночи с этими людьми, чтобы объяснить им, что государство, которое должно было обеспечить его жильем, уже не существует».

Изменения, отмеченные Галиной, повлияли на гендерное измерение их деятельности. На начальном этапе существования ассоциации ее клиенты руководствовались «мужской идеологией» и «мужскими запросами». И даже если действовали женщины, «за их спиной стояли мужчины». Интересно, что

она отмечает связь этой идеологии с дискурсивными механизмами. «Они считали, что раз создана такая *ассоциация*, слово новое совершенно, это значит, что там уже, конечно, деньги крутятся, капиталисты, капитал! Люди были насыщены этой идеологией... Сказал, что «ассоциация», что «коммерческое предприятие», значит все там собрано. Все бегут туда: «Беги, хватай!» Это была мужская идеология... Очень быстро все эти иллюзии развеялись. Мужчины схлынули. Остались приходящими одни женщины». А для женщин, отмечает Галина, самые важные ценности – это благополучие семьи и уважение. «И если им даже что-то попало как людям, воспитывающим детей, – это значит их ценят, уважают... И мы постоянно ведем работу в том плане, что мы сами должны о себе думать. Тяжело это очень все, но другого пути нет».

Модель отношений между государством и семьей, из которой исходит Г. Дейнеко, по-видимому, вписывается в представления классического либерализма. По ее мнению, государство «не должно трогать семью», она должна существовать самостоятельно от государства.

Основной текущий проект Ассоциации, который называется «Поле», работает на поддержание этой модели – независимости семьи от государства за счет самообеспечения семьи продуктами питания.

Важнейшую роль в этом проекте играет обучающий компонент. Активисты организации пропагандируют новые технологии выращивания овощей, в первую очередь картофеля, организуют семинары, распространяют соответствующую литературу. Для распространения сортовых культур Ассоциация взаимодействует с Сельскохозяйственной Академией и другими академическими организациями Новосибирска.

Итак, ассоциация «Ельцовка» представляет собой новое практическое сообщество, быстро реагирующее на социальные изменения – и реагирующее на них как своими практическими действиями, так и конструированием новых смыслов.

Новые практические сообщества в гендерном измерении. Профессиональные и непрофессиональные сообщества

За последние два десятилетия существенно изменилась номенклатура профессиональной деятельности. Появился целый ряд профессий, в которых до *перестройки* не было необходимости: брокеры, налоговые инспекторы, риелторы, дистрибьюторы, торговые агенты, включая торговых агентов,

занимающихся так называемым сетевым маркетингом, специалисты по рекламе. Эти профессии не существовали при распределительной системе, хотя некоторые из них имеют свои исторические прототипы. Торговая система, ориентированная на потребителя и существующая в условиях снижения покупательной способности, предполагает обучение новым навыкам и новым подходам. Эти сообщества представляют собой типичные практические сообщества, члены которых обычно обладают ограниченными возможностями учебы «в отрыве от производства». Им приходится приобретать новые трудовые навыки непосредственно в процессе работы. Затем эти навыки передаются следующему поколению. Некоторые стихийно возникшие обучающие проекты институционализируются. Так в Новосибирске возникла Академия риелторского мастерства, программа которой включает и теоретическую подготовку, и обучение методам работы с клиентами.

Возникновение и рост новых практических сообществ подрывает некоторые гендерные стереотипы, гендеризацию профессий и идет вразрез с той тенденцией в гендерных отношениях, которая получила название патриархатного ренессанса.

Благодаря новым сферам занятости и самозанятости, где женщины берут на себя роль первопроходцев в освоении новых сфер и новых географических ареалов деятельности (например, в «челночном» бизнесе и сетевом маркетинге), происходит подрыв традиционного стереотипа, в соответствии с которым мужчины являются новаторами, а женщины – продолжателями и хранителями традиции. Вместе с тем, если судить по репрезентации женщин-предпринимателей в массовой культуре, то следует сказать о противоречивости этого процесса. Они могут быть представлены как в положительном ключе (ср. роман Е. Домениковой и А. Соколова «Новая русская леди». М.: Вагриус, 1999), так и в отрицательном (ср. роман новосибирской писательницы И. Ульяниной «Все девушки любят богатых». Новосибирск: Мангазея, 1999, с. 193 и след.).

Новые практические сообщества подрывают еще одно распространенное стереотипное представление, согласно которому сфера техники – это сфера мужская. В нескольких школах Новосибирска развиваются сообщества, занимающиеся компьютеризацией образования. Примером такого сообщества является проект в гимназии №3, школе №5 и в средней школе №162, который распространяется учителями этих школ и на другие учебные заведения области

и поддерживается международной программой *International Education and Research Networking Project*. В проекте заняты и учителя, и ученики. Среди учащихся есть и мальчики, и девочки. Однако, как известно, большая часть учителей средних школ – женщины. И хотя это и нелегко, но им приходится преодолевать виртуальный барьер, отделяющий их от компьютерной лаборатории.

Другим важным аспектом организации этого сообщества является то, что зачастую ученики оказываются более продвинутыми компьютерными пользователями, чем учителя. В этом случае, как отмечают члены этого сообщества, отношения между учениками и учителями становятся менее авторитарными, поскольку учителя вынуждены выступать в роли учеников. Образовательный компонент этих практических сообществ огромен. Он включает такой широкий спектр навыков, как творческое письмо на родном и иностранном языках, рисование, программирование, коммуникативная компетенция. Участники проекта отчетливо осознают себя как самостоятельное сообщество, эксплицируя свое объединение и особый дух единства, который в нем царит, через метафору семьи, поскольку понятие *семья* является, по-видимому, единственным символическим способом обозначения социальной сети, не обремененным политическими или религиозными коннотациями.

Как я уже говорила выше, большая часть членов небольших практических сообществ входит в эти сообщества потому, что большая политика, согласно их ощущениям, отделена от населения, которое решает свои проблемы собственными силами. В Новосибирской области это разделение усугубляется тем, что законодательная власть, избираемая уже второй раз, не включает депутатов-женщин, традиционно отвечающих в областной Думе за социальную политику. Ядро областного совета депутатов – это своего рода директорский корпус, составленный из глав крупных предприятий. В результате последних выборов этот состав стал еще более единообразным в силу уменьшения числа представителей политических партий. В то же время среди районных, и особенно сельских, депутатов много женщин.

Активность администрации и областной Думы зачастую выливается в скрытые и открытые конфликты, в том числе с вооруженным исходом. Женщины в этих конфликтах практически не участвуют. Это не означает, однако, что в области отсутствуют политически и социально активные

женщины. Эти женщины следуют альтернативным стратегиям экономической и социальной политики. Так, «альтернативный» женский директорский корпус образовал в Новосибирске отделение движения «Женщины России». Социальный статус его участников подобен статусу депутатов Облсовета. Это директора образовательных и медицинских учреждений, менеджеры высшего и среднего звена.

Несмотря на совершенно очевидный стеклянный потолок, женщины занимаются решением социальных проблем, образуя разного рода практические сообщества. Эту ситуацию прекрасно охарактеризовала член общественного школьного фонда из другого Сибирского города – Омска: «По телевизору смотришь – забастовки, теракты, кровопролитие. А в школу придешь – тут люди горят совсем иным. Тут работают подвижники. Давно хотелось сказать: “Давайте работать вместе”. Муж у меня спрашивает: “Что ты-то можешь сделать?”».²⁹ Несмотря на скепсис мужа, эта и многие другие женщины занимаются самыми трудными социальными проблемами нашего общества, такими как алкоголизм, наркомания, вынужденная миграция, домашнее насилие. Поскольку в большинстве случаев у людей, сталкивающихся с подобными проблемами, нет соответствующей квалификации, они вынуждены пополнять или заново приобретать знания и навыки в области психологии, медицины, права, менеджмента. Работа по конструированию смысла оказывается абсолютно необходимой для обоснования обучения и деятельности в новых областях и согласования новой сферы деятельности с обычными сферами жизни. Так, многие практические сообщества, особенно на первых порах, используют свои дома как место для разворачивания своей деятельности, а свои домашние телефоны – в качестве контактных для своих соратников и клиентов сообщества. Превращение квартир и частных домов в диспетчерские службы не может не вызывать напряженности и вовлеченности других членов семьи в дела сообщества.

В качестве примера можно привести ситуацию, описанную моей респонденткой Ириной Останиной (40 лет), руководителем организации «Рука помощи», созданной для поддержки вынужденных мигрантов. Ирина и ее семья

---

²⁹ Цит. по: Линдемманн-Комарова С. *Общественные школьные фонды...*, с. 61.

приехали в Новосибирск из Казахстана. На первых порах существования организации Ирина вынуждена была использовать свой домашний телефон в качестве контактного телефона для клиентов организации, тем самым превратив свой дом в круглосуточную информационную и консультативную службу. Не надо специально говорить о том, какая нагрузка при этом легла на всех членов семьи. И если бы не тот высокий смысл, который Ирина и ее семья видят в помощи людям, то круглосуточная телефонная вахта была бы непереносима. «Я думаю, что это, наверное, потребность души – помогать ближнему», – говорит Ирина. Обоснование деятельности своей группы она видит в том же ключе, что и Г. Дейнеко – скудость государственных средств, в силу которой помощь людям ограничивается небольшими ссудами: «народу надо помогать вставать на ноги, потому что, если не заботиться об этих людях, кто будет делать это? У государства нет средств, даже у той же миграционной службы, я понимаю, они ограничены своими возможностями – они ставят на учет людей, дают людям ссуды. Но то, что человек со слезами сюда приходит и может рассказать свою историю, а мы можем ему сказать: “Да вы не отчаивайтесь, к нам приходили еще более сложными случаями”. Мы ему что-то советуем, и человек может позвонить или прийти и сказать: “Вы знаете, я с вами побеседовал, я совсем по-другому посмотрел на жизнь, я что-то пересмотрел в своей жизни”». Ирина и ее коллеги планируют организовать социальную сеть, которая включала бы мигрантов «первого поколения», которые уже обосновались на новых местах, и новых переселенцев. Идеология этой программы не в односторонней благотворительной помощи (мы не хотим идти к успешным людям с протянутой рукой, говорит Ирина), а во взаимовыгодном сотрудничестве.

На первый взгляд кажется, что «Рука помощи» – это исключительно женская рука. Известно, что большая часть участников российского Третьего сектора – женщины. Однако подобные женские организации обычно привлекают к участию в своих программах мужчин в качестве экспертов и «групп поддержки». Так, «Рука помощи» привлекает к работе молодых юристов-мужчин; у организации «Женщины вместе» мужчина выступает в роли коммерческого директора; Женский гуманитарный фонд был создан по инициативе психолога-мужчины; ассоциация профилактики рака груди «Вера» нанимает для платных консультаций врачей-мужчин и опирается на помощь волонтеров обоого пола (в первую очередь, членов семей тех женщин, которые

являются формальными членами сообщества). На институциональном уровне вышеупомянутые группы идентифицируют себя как женские организации, в частности потому, что подобный официальный статус является основой стратегии поиска средств для организации. Однако как практические сообщества эти ассоциации являются гендерно неоднородными. Понятие смешанного гендерного состава сообществ концептуализируется на уровне обоснования смысла. «Мы не только “Женщины вместе” с женщинами, но мы еще и Женщины вместе с мужчинами», – говорит Лариса Черепанова, руководитель организации.

Наиболее разнородными с точки зрения гендерного состава в Новосибирске являются, пожалуй, молодежные сообщества, которые объединяют сторонников культуры, альтернативной массовой культуре. Некоторые из этих сообществ складываются вокруг кафе и других публичных мест, где, согласно исследованию, проведенному Татьяной Максимовой³⁰, собирается как гетеро-, так и гомосексуальная молодежь. Новосибирское гомосексуальное сообщество отличается от, скажем, московского тем, что оно менее сегрегировано на гей- и лесбийские группы. Когда в Новосибирске сформировалась правозащитная группа для образования организации защиты прав геев, то в нее вошли как гомосексуалы, так и гетеросексуалы.

Гендерные роли и обоснование смысла в практических сообществах

Рассматривая гендерные роли в разных сообществах, легко впасть в обобщения: женщины работают во вспомогательных службах, а мужчины занимаются управлением и профессиональной деятельностью. Однако, несмотря на распространенность подобного распределения ролей, оно не является универсальным. На данной стадии исследования я могу констатировать то, что в практических сообществах, по крайней мере, одна функция не является гендеризованной: функция созидания и обоснования

---

³⁰ Максимова Т. С. *Гей-культура как альтернатива традиционной маскулинности*. Тезисы Конференции стипендиатов фонда Генриха Белля 1999-2000 гг. Санкт-Петербург, 3-8 ноября 1999, с. 12-13.

смысла деятельности. Обоснование смысла может выражаться с помощью метафоры, притчи, символа или нарратива. Так, модельер Ольга Щербакова ищет соответствия между характером женщины и костюмом. «Я ищу звуки чистоты», – говорит она. Керамист Людмила Левина (55 лет), использующая свою частную школу лепки в целях психотерапии, считает, что единственный способ для человека выбраться из замкнутого круга своих неприятностей и несчастий – «пролепить себя».

Обоснование смысла практической деятельности может принимать форму сложной метафизической системы, впитывающей в себя источники самого разного рода: Живую этику, христианство, гуманизм, разного рода парапсихологические понятия, естествознание и натурфилософию. Наиболее распространенным понятием в метафизических системах такого рода является понятие *энергетики*. *Энергетика* – это что-то вроде современного флогистона, который используется во многих смысловых конструкциях, объясняющих наличие или отсутствие коммуникации и связи между людьми, между человеком и природой, между человеком и Абсолютом, как бы он ни понимался.

Обоснование смысла является важнейшим источником жизнеспособности практических сообществ, поскольку, видимо, без привлечения понятий типа *энергетики* и других не менее абстрактных концептов сложный процесс приобретения навыков добровольной совместной деятельности, преодоление бюрократических препон, а также мелких, но многочисленных препятствий, которые встают на пути любого зачинателя чего-то нового, является невозможным.

Чтобы проиллюстрировать свой тезис, приведу пример связи между конструированием эзотерического смысла и рациональной деятельностью одного из практических сообществ, решающих наиболее острую у нас проблему социальной политики – проблему жилья. Речь пойдет о практическом сообществе, организованном в одном из районов Новосибирска и нацеленном на разработку и осуществление программы так называемого социального жилья, то есть муниципального жилья для малообеспеченных, главным образом, молодых семей. Это практическое сообщество развивается на базе неправительственной организации «Культуры мира». От ассоциации с таким названием можно было бы ожидать пацифистских акций, антивоенных

программ, программ, связанных с реформой армии, подобных тем, которые ведутся организациями солдатских матерей. Поэтому я спросила у Любви Пупчик, руководителя организации, как связаны культуры мира и строительство. Любовь Васильевна – лидер со школьной скамьи. В свое время возглавляла двухтысячную комсомольскую организацию на большом заводе, изучала энергетику в высшем учебном заведении. В 1991 г. закончила в Москве Академию труда и социальных отношений (бывшая Школа профсоюзного движения), баллотировалась в областной и районные советы депутатов. Для реализации программы социального жилья она объединила профессиональных строителей и архитекторов и районную администрацию. Она напрямую увязывает эффективность своей деятельности со своим видением мира. Ее высказывания по этому поводу соответствуют логике религиозного дискурса, построенного на оппозиции бинарных смыслов. «В физическом теле мы все земляне, – говорит она, – а в духе мы все инопланетяне, и мы все представители разных цивилизаций. Поэтому цель существования Земли – объединить энергии всех цивилизаций, которые обслуживает Земля. В белково-нуклеиновой форме живут только земляне. Человеческий мозг способен воспринимать информационные потоки всех цивилизаций. Единственное препятствие здесь – это то, что наш разум и наше космическое сознание разделены... Мы здесь для того, чтобы научиться понимать представителей других цивилизаций, поскольку... только в белково-нуклеиновой форме, с нашим человеческим разумом, с этой вот великолепно организованной структурой мы можем перерабатывать информацию, которую мы получаем, отправлять ее обратно, а поскольку здесь идет на Земле обмен информацией, то идет дальнейшее развитие цивилизации. А цивилизации Вселенной не живут в белково-нуклеиновой форме, а живут в энерго-информационной форме, которая способна материализоваться». Сквозь призму этой метафизики и космологии Любовь Васильевна идентифицирует себя как связующее звено между людьми. И она действительно осуществляет эту функцию, устанавливая связь между правительственными и неправительственными организациями и людьми, которые нуждаются в жилье в г. Новосибирске.

Заключение

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы проанализировать гендерное измерение социального капитала в России. Это исследование

состояло из трех этапов. На первом этапе, который занял около трех лет, потребовалось первичное ознакомление с разнообразными формами объединения людей. Главным результатом этого этапа явился вывод о том, что на место социальных связей советского времени – формальных связей на почве занятости и неформальных отношений, естественно возникавших в условиях дефицитной экономики на почве добывания и обмена товарами и услугами, приходят другие связи – корпоративные связи в рамках новых организаций, новые отношения в приватной сфере. Эти новые связи и служат основным механизмом образования социального капитала.

Второй – и наиболее драматический – этап заключался в поисках и разработке понятийного и методологического аппарата для анализа новых форм инвестирования в социальный капитал. Результатом этого этапа явилась модель, в рамках которой осуществлялось эмпирическое исследование, описанное в данной статье. Модель была построена с учетом достижений и недостатков разных парадигм социологии общественных движений. Именно эта модель легла в основу структуры биографических интервью, послуживших материалом для произведенного выше описания.

Идея модели заимствована у ученых из Стэнфордского университета – Жана Лейва и Этьена Венгера, разработавших концепцию *практических сообществ (communities of practice)*. Практические сообщества – это объединения людей, занимающихся определенной деятельностью, сопровождающейся обучением и самообучением и одухотворенной смыслом. Исходная модель Лейва и Венгера, как и другие модели функционирования и развития сообществ данного рода, включает обсуждение смысла общей деятельности (*negotiation of meaning*). Однако на данной стадии исследования мы не имеем доступа к *обсуждению (переговорам по поводу)* смысла деятельности в изучаемых сообществах и потому ограничиваемся индивидуальным созиданием смысла деятельности.

На третьем – еще продолжающемся – этапе осуществляется собственно исследование практических сообществ как форм социального капитала.

В данной статье предлагается описание гендерных аспектов практических сообществ. Мы предприняли попытку освещения межгендерной солидарности, которая аналитически расходится с общепринятым подходом к анализу гендерных отношений. Существует традиция исследования внутригендерной

солидарности, скажем, солидарности женщин в борьбе против дискриминации. Однако само понятие гендера как аналитическая категория включает в себе отношение власти как иерархии и оппозиции между полами.

Гендерный анализ социального капитала в данной статье был направлен на выяснение: 1) соотношения между гендерной составляющей сообществ на институциональном уровне и на уровне функционирования практических сообществ; 2) соотношения между распределением ролей в практических сообществах и существующими в обществе гендерными стереотипами.

Подводя итоги данного, промежуточного, этапа исследования, можно сказать следующее.

1. Без обоснования смысла никакая деятельность в рамках практических сообществ не была бы возможна. Обоснование и созидание смысла практических сообществ не является гендеризованным.
2. Деятельность в рамках практических сообществ подрывает существующую систему гендерных стереотипов, поскольку члены сообществ вынуждены осваивать и применять навыки, умения и знания, которые не вписываются в эту систему.
3. Гендерный состав практических сообществ может не совпадать с институциональным гендерным составом. Так, даже если на институциональном уровне организация выступает как женская, то как практическое сообщество она может быть гендерно неоднородной. Значительная роль, которую женщины играют в практических сообществах, компенсирует их институциональное отсутствие в государственной политике.
4. Гендерная составляющая социального капитала находится в динамике.

Дальнейшее исследование будет направлено на описание других типов практических сообществ, таких как: ассоциации, основанные на телесных практиках (нудисты; группы, культивирующие то, что называется «здоровый образ жизни»; «моржи»; культуристы и проч.); этнические объединения; сообщества верующих; домашние дискуссионные клубы; политически ангажированные сообщества; а также многопрофильные группы, объединяющие дачников. В дальнейшем нас будет интересовать динамика лидерских отношений в смешанных и гендерно однородных группах. Здесь представляется интересным исследовать вопрос о том, какой тип лидерства

является наиболее распространенным: харизматический, тоталитаристский или демократический. Наша дальнейшая работа будет также направлена на исследование символических ресурсов, которые аккумулируются практическими сообществами.

В дальнейшем нам также предстоит выяснить, существует ли связь между гендерным составом практических сообществ и идеологией спонсоров неправительственных организаций, скажем идеологией западных фондов, поддерживающих Третий сектор в России.

Проведенное нами исследование практических сообществ не содержит ответов еще на массу вопросов. И один из них – это вопрос о том, является ли исследование социального капитала способом инвестирования в социальный капитал?

Благодарности

Я благодарна многим людям, которые прямо или косвенно помогли мне в написании этого текста:

своим новосибирским коллегам, которые помогли мне в сборе эмпирических материалов и их обработке: Руслану Асадову, Наталье Белецкой, Татьяне Максимовой, Татьяне Полищук;

своим партнерам по летней школе в Центрально-европейском университете Будапешта: Луизе Вашвари, Деборе Камерон и Джулиет Лангман, благодаря которым я познакомилась с концепцией практических сообществ;

Илке Борхардт, Елене Здравомысловой и Эрхарду Штельтингу за критические замечания по поводу первого варианта статьи; тут же вынуждена признать, что мне удалось реализовать не все критические замечания своих коллег;

Корнелии Кляйниц, Джону Коннеллу, Джен Секор, Джудит Твигг и Кэйт Шектер за помощь в подборе материалов по теме статьи;

своей маме, Куклиной Елене Александровне, за исправление грамматических ошибок в черновом варианте статьи.

Особую благодарность я испытываю по отношению к своим респондентам. Они поделились со мной своим удивительным опытом и по существу открыли для меня особый мир созидания, который не может не вдохновлять.